

Стефан Халпер, Джонатан Кларк

НЕОКОНСЕРВАТОРЫ: НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГРУППА ИНТЕРЕСОВ¹

Неоконсерваторы стали *cause célèbre* в американской и международной политике. Множатся теории заговора, объясняющие их влияние, но взвешенные оценки по-прежнему встречаются очень редко. В этой статье мы намерены демистифицировать неоконсерваторов. Мы рассмотрим вопрос, как и когда они стали так называться. Мы рассмотрим их убеждения и цели и как они приобрели такое влияние. Мы рассмотрим их историю, оценим их сильные и слабые стороны, а также их влияние на политику.

История неоконсерваторов охватывает три последних десятилетия. Она весьма сложна и противоречива и включает невероятную интеллектуальную миграцию от левых к правым и от внутренней политики к внешней. Подчас в ней фигурируют совершенно одержимые доктора Стрейнджлавы, толкающие нацию в пропасть. Но чаще мы сталкиваемся с кроткими исследователями с восточного побережья, обладающими невероятной способностью занимать высокие посты в администрациях консерваторов. Своего пика история неоконсерваторов достигла после национального кризиса 11 сентября 2001 года, когда многие из этих людей оказались — отчасти в результате интриг, отчасти в результате случайности — на влиятельных должностях и взяли на себя ответственность за военную машину Америки. Ниже будет дано подробное описание их действий.

Вывод, к которому приводят факты нашей истории, безошибочно указывает на то, что неоконсерваторы придали американским международным отношениям неблагоприятный оборот в результате отступления от сбалансированного, направленного на достижение консенсуса и ресурсосберегающего подхода, которым характеризовался традиционный республиканский интернационализм, представленный сегодня госсекретарем Колином Пауэллом, и перехода к более узкой и частной программе. Мы пришли к такому

1 Halper, S. and J. Clarke. *America Alone: The Neo-Conservatives and the Global Order*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. Pp. 9–39.

неприятному выводу, потому что роль Америки в мире, которой мы придавали большое значение как силе во благо, оказалась не столь эффективной, какой она могла бы быть, даже признавая такие несомненные успехи, как пленение Саддама Хусейна и прогресс в Ливии. Это неприятное событие для всех американцев и особенно для таких, как мы, то есть для тех, кого вполне устраивала последняя республиканская администрация и кто рассчитывал на большее от нынешней. Но вместо того, чтобы стать длительной тенденцией, влияние неоконсерваторов, как показывают факты, будет кратковременным и ограниченным. Один из неоконсервативных авторов уже сделал вывод о том, что однополярная политика, на проведении которой неоконсерваторы настаивали с середины 1990-х годов, привела к тому, что «первые после окончания Второй мировой войны Америка переживает кризис международной легитимности». ² В результате действия обычных демократических сдержек и противовесов и представления американского народа вообще и традиционных консерваторов в частности о неоконсерваторах как о каком-то отклонении их влияние постепенно пойдет на убыль.

Так кто же такие неоконсерваторы? Их движение — это не организация с жестким членством. Они не проводят заседаний или съездов. Не существует никакой жесткой границы между теми, кто принадлежит, и теми, кто не принадлежит к неоконсерваторам. На самом деле слово «движение» может преувеличить степень интеллектуальной сплоченности. Ирвинг Кристол, которого называют «крестным отцом» неоконсерватизма, предпочитает говорить о неоконсерватизме как об «убеждении». ³ Но конечно, неоконсерватизм — движение или убеждение — не имеет идеологического катехизиса и не требует «вступительных испытаний». У него нет фигур вроде Йозефа Ратцингера или Михаила Сулова, строго следящих за верностью учению. Нет курии или политбюро. Неоконсерваторы — плодовые авторы, но у них нет канонических текстов. У них нет своих Библии, Корана или Торы. Но принадлежащие корпорациям средства массовой информации (*Fox News*, *Weekly Standard* и *London Times* принадлежат одному собственнику) привели к определенной гомогенизации взглядов правых. ⁴ Но для начала, понимая всю опасность упрощений, можно выделить три составляющие современного неоконсерватизма. Сегодняшние неоконсерваторы имеют три общие темы:

1. Восходящее к религии убеждение, что удел человека — это выбор между добром и злом и что политический характер следует оценивать по готовности первого противостоять последнему.
2. Утверждение, что отношения между государствами определяются военной силой и готовностью ее использовать.
3. Сосредоточенность на Ближнем Востоке и глобальном исламе как основной угрозе американским интересам за рубежом.

2 Кейган Р. *О рае и силе*. М., 2004. С. 112.

3 Кристол У. Неоконсервативное убеждение // *Логос*. 2004. № 6. С. 170–174.

4 James Fallows. The Age of Murdoch // *Atlantic Monthly*. September 2003. P. 90.

При рассмотрении этих тем на деле неоконсерваторы:

1. Анализируют международные проблемы в черно-белом цвете, используя абсолютные моральные категории. Они глубоко убеждены в том, что только они имеют прочные моральные устои, и утверждают, что несогласие с ними — это путь к поражению.⁵
2. Сосредоточены на «однополярной» силе Соединенных Штатов и считают использование силы первым, а не последним средством внешней политики.⁶ Они отказываются признавать «уроки Вьетнама», которые они понимают как помеху использованию силы, и указывают на «уроки Мюнхена», настаивая на оправданности и необходимости упреждающих военных действий.⁷
3. С пренебрежением относятся к обычным дипломатическим органам, например, к Государственному департаменту, и традиционному реалистическому и прагматическому анализу положения в конкретных странах. Они не признают невоенные многосторонние институты и выступают против международных соглашений и договоренностей. Их лозунг — «глобальная односторонность».⁸ Они считают, что критика их действий со стороны остального мира служит подтверждением того, что они все делают правильно.⁹
4. Считаю Рейгановскую администрацию образцом для подражания и олицетворением всех добродетелей и стремятся сделать свою разновидность рейгановского наследия республиканской и национальной ортодоксией. Основываясь на этих убеждениях и подходах, неоконсерваторы, как правило, оказываются в конфронтации:

- с мусульманским миром сейчас, но кто знает, с кем они не сойдутся в будущем?;
- с союзниками и друзьями Америки, с необходимостью сотрудничества с ООН и другими для достижения американских целей;
- с противниками дефицита, которые призывают ограничить дискреционные расходы;
- с теми американцами, кто не согласен с ними и их целями.¹⁰

Основываясь на этих темах и этих политических подходах, мы обнаруживаем глубокий пессимизм у неоконсерваторов относительно человеческой природы и человеческого общества и он намного мрачнее скептицизма насчет человеческого совершенства вообще в большей части консервативной мысли. Это совершенно не в духе их покровителя Рональда Рейгана и вообще американского характера, выраженного в Декларации неза-

5 William Bennett. *Why We Fight: Moral Clarity and the War on Terrorism*. Washington, D. C.: Regnery, 2003. P. 56.

6 Кейган Р. *О пае и силе*. М., 2004.

7 Lawrence E. Kaplan and William Kristol. *The War over Iraq*. San Francisco: Encounter, 2003. P. 118.

8 Ирвинг Кристол цит. по: Eric A. Nordlinger. *Isolationism Reconfigured*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1995. P. 18.

9 Публичное выступление Ричарда Перла в Нью-Йорке, 13 февраля 2003 года; William Safire. Nixon on Bush // *New York Times*. July 7, 2003. P. A17.

10 Robert H. Bork. Civil Liberties after 9/11 // *Commentary*. July-August 2003. Pp. 29–35.

висимости.¹¹ Хотя они заявляют, что стремление к «свободе, демократии и правам человека» отражает оптимизм, это во многом остается риторикой.¹² Современный мир неоконсерваторы считают миром примитивного гоббсовского естественного состояния, где постоянное милитаризованное соперничество за власть является нормой, а сдерживание (даже в гоббсовском смысле слова) со стороны сообщества наций невозможно, где поиск общественного договора в духе Локка или Руссо иллюзорен, где доверие (даже рейгановское «доверяй, но проверяй») между людьми труднодостижимо и где противники (определяемые как все, несогласные с неоконсервативным мировоззрением) должны быть разбиты заранее, пока они не разбили тебя.¹³ «Нам не следует пытаться убедить людей в том, что все к лучшему», — замечает Кеннет Адельман.¹⁴ Что касается внутренней политики, то они считают, что Америка стоит на пути к гибели со своей системой образования, сексуальными нравами, моралью и практически всем,

что связано с чуждой модернистской и светской культурой.¹⁵ Во многих важных отношениях они по-прежнему живут в XVI веке с его любящими и ненавидящими героями, Макиавелли, бегство из которого повлияло на раннюю американскую философию, смотревшую в будущее с оптимизмом и понимавшую, что прогресс заключается в развитии у людей лучших качеств, а не постоянном ожидании худшего.

Кроме того, неоконсерваторы очень четко обозначают принципы международной политики, с которыми они

НЕОКОНСЕРВАТОРЫ СЧИТАЮТ,
ЧТО ВСЕ ДОГОВОРЫ И СОГЛА-
ШЕНИЯ НАПРАВЛЕННЫ НА
«ОГРАНИЧЕНИЕ И КОНТРОЛЬ
АМЕРИКАНСКОЙ СИЛЫ», А НЕ НА
ПОДДЕРЖАНИЕ ПОРЯДКА В МИРЕ

не согласны. Сразу же после прихода к власти администрации Буша группа неоконсерваторов отправила новому президенту письмо с советом не уделять большого внимания таким понятиям, как «стабильность» и «нормальность».¹⁶ Под подозрение попал также термин «добрососедские отношения». Они считают, что в современном мире «сдерживание», «ограничение», «реализм», «коллективная безопасность», «построение доверия», «диалог» и «кон-

11 Gary Wills. *Inventing America: Jefferson's Declaration of Independence*. New York: Doubleday, 1978.

12 Ibid. P. 23.

13 Joshua Muravchik. The UN on the Loose // *Commentary*. July-August 2001. P. 29.

14 Dana Milbank and Mike Allen. Security May Not Be Safe Issue for Bush in '04 // *Washington Post*. August 22, 2003. P. A1.

15 Robert H. Bork. *Slouching toward Gomorrah: Modern Liberalism and American Decline*. New York: Regan Books, 1996.

16 Steven Mufson. Bush Urged to Champion Human Rights: Conservatives Call on President to Promote Democracy, Freedom and Foreign Policy // *Washington Post*. January 26, 2001. P. A5.

сенсус» больше не работают.¹⁷ «Сдержанность», о которой говорил во время своей избирательной кампании Джордж Буш, было не более чем риторикой. «Мирный процесс» на Ближнем Востоке, неизменно помещаемый в кавычки, считался подозрительным понятием, используемым людьми, желающими нажиться на мире.¹⁸ Они считают, что все договоры и соглашения направлены на «ограничение и контроль американской силы», а не на поддержание порядка в мире.¹⁹ Они не уделяют никакого внимания роли невоенных факторов: экономическим стимулам, борьбе с бедностью, мягкой силе, охране окружающей среды или международной торговле.²⁰ Они почти или вовсе не интересуются экономическими последствиями своей политики. Например, запасы нефти в Ираке занимали второстепенное место в том, что касалось этой страны. Более того, они просто отталкивали тех американцев, которые ценили такие аспекты; они называли их «пессимистами», «саботажниками» или пораженцами. Они сомневались в их патриотизме и, как в случае с *BBC*, обвиняли в поддержке Саддама Хусейна.²¹

Обычно неоконсерваторов обвиняют в том, что они составляют замкнутую группу или клику. Они достаточно чувствительны к таким описаниям и всегда стараются отрещиваться от них.²² Ссылаясь на свои работы, выступления, объемные публичные заявления и доступность для отечественных и зарубежных средств массовой информации, они заявляют о своей предельной открытости. Все так. Они действительно стараются быть на виду. Но мы утверждаем, что в подобной работе со СМИ — осознанно или нет — оставляется без внимания другая, куда более важная программа. Это умалчивание о своих истинных целях — главное обвинение в адрес неоконсерваторов.

Положительной стороной их публичной доступности является то, что их самих и их взгляды легко опознать. К ним относятся люди, занимающие или занимавшие посты в правительстве: вице-президент Льюис Либби, советник президента Элиот Абрамс, заместитель министра обороны Пол Вулфовиц, сотрудники госдепартамента Джон Болтон и Дэвид Вермсер. В совещательных органах они представлены Ричардом Перлом и Элиотом Коэном из Совета по оборонной политике; в академических кругах — йельским профессором Дональдом Кейганом, принстонскими профессорами Бернардом Льюисом и Аароном Фридбергом, пеппердайнским профессором Джеймсом Уилсоном и другими; в средствах массовой информации — редактором *Weekly Standard* Уильямом Кристолом, обозревателем *Washington Post* Чарльзом Краутхаммером и большинством внешнеполитических редакторов *Wall Street Journal* и канала *Fox News*; в бизнесе — бывшим директором ЦРУ Джеймсом Вулси;

17 Robert J. Lieber. The Folly of Containment // *Commentary*. April 2003. P. 15–21.

18 Norman Podhoretz. Oslo: The Peacemongers Return // *Commentary*. October 2001. P. 21–23.

19 Jane J. Kirkpatrick. American Power—For What? // *Commentary*. January 2000. P. 34.

20 Donald Kagan and Frederick W. Kagan. Peace for Our Time // *Commentary*. September 2000. P. 42–46.

21 Martin Peretz. The Passive Saboteurs // *Wall Street Journal*. September 8, 2003. P. A18; Josh Chafetz. The Disgrace of the BBC // *Weekly Standard*. August 25, 2003. Pp. 18–22.

22 Joshua Muravchik. The Neo-Conservative Cabal // *Commentary*. September 2003. P. 26–33.

в исследовательских организациях — Максом Бутом из Совета по внешним сношениям, Норманном Подхорцем и Мейравом Вурмсером из Хадсоновского института, членами «Проекта за новый американский век» и большинством специалистов по внешней и оборонной политике из Американского института предпринимательства. Последний, кстати, серьезно дистанцировался от принципов трансатлантического сотрудничества, символизируемого фреской на стене конференц-зала, на которой изображены президент Форд, британский премьер-министр Каллагэн, германский канцлер Шмидт и французский президент Жискард д'Эстен.

Вице-президент Дик Чейни и министр обороны Дональд Рамсфелд, которых лучше считать американскими националистами, чем неоконсерваторами, обнаружили, что они во многом сходятся с неоконсервативной мыслью в вопросах американской исключительности и односторонности, и сыграли решающую роль в неоконсервативном идеологическом наступлении. Подписи обоих можно увидеть на ключевом неоконсервативном документе, изложении принципов «Проекта за новый американский век». В январе 1998 года Рамсфелд подписал письмо «Проекта...» с призывом свергнуть Саддама Хусейна, адресованное президенту Биллу Клинтону. Чейни разделяет неприязнь неоконсерваторов к международным организациям, считая их угрозой суверенитету Соединенных Штатов. Без их поддержки неоконсервативная программа никогда не смогла бы быть осуществлена.²³

Примечательно, что у них нет сколько-нибудь значительного представительства в конгрессе. Когда неоконсервативное движение только формировалось, член палаты представителей Джек Кемп (а позднее его коллега Роберт Доул) проявлял интерес к их идеям, особенно по экономическим вопросам, а сенатор Дэниел Патрик Мойнихан оказывал им поддержку. Член палаты представителей Том Фоули, позднее ставший спикером палаты, был связан с Комитетом за демократическое большинство. Однако сегодня, возможно, за исключением бывшего спикера Ньюта Гингрича в его выступлениях после ухода из конгресса или сенатора Джозефа Либермана в его открытой поддержке американских военных действий на Ближнем Востоке, они не могут похвастаться успехами на Капитолийском холме. Неоконсерватизм — это главным образом интеллектуальный феномен восточного побережья (со скромным представительством в Гуверовском институте в Стэнфорде и Чикагском университете). Статус современных неоконсерваторов как интеллектуального движения связан с некоторой исторической иронией, учитывая, что один из его отцов-основателей Ирвинг Кристол (который, в отличие от нынешнего поколения неоконсерваторов служил в армии) выступал против влияния интеллектуалов на внешнюю политику, называя это «нездоровой ситуацией».²⁴ Когда-то неоконсерватизм занимал довольно скромное место и считал-

23 David Halberstam. *War in a Time of Peace: Bush, Clinton and Generals*. New York: Touchtone, 2002. Pp. 86–94; James Mann. *The Rise of Vulcans: The History of the Bush War Cabinet*. New York: Viking, 2004. Pp. 138–145.

24 Irving Kristol. *Neoconservatism: The Autobiography of Idea*. New York: Free Press, 1995. Pp. 75–91.

ся причудливой крайностью, но теперь благодаря близости к представлениям о национальной безопасности сенатора Генри М. Джексона и своей связи с социальными консерваторами и евангелическими протестантами он обрел значительный политический вес.²⁵

С ЧЕМ СОГЛАСИТЬСЯ МОЖНО

Вступая в спор с неоконсерваторами, мы не собираемся критиковать их для вида. Но наше исследование не будет походить на разгромные трактаты, которые должны заставить оппонента умолкнуть и которые стали уродливой чертой американского политического ландшафта. Мы не собираемся дальше уродовать дискурс. Но, по мере перехода неоконсерваторов от философии к полемике, они утратили интерес к взвешенным суждениям. Часто они просто говорят: «либо вы с нами, либо против нас». На наш взгляд, очень важно, что неоконсерваторы предали давние республиканские внешнеполитические принципы, в которых ключевую роль играют прагматизм и баланс, что привело к неблагоприятным последствиям как для нашей страны, так и для всего остального мира.

При этом во многих областях политики мы можем согласиться с оценками неоконсерваторов. Хотя неоконсерваторы не первыми заметили пороки коммунистической системы — уже в 1947 году Джордж Кеннан отмечал, что коммунистическая система несет в себе «семена своего упадка»²⁶ (можно назвать также Джона Фостера Даллеса в 1952 году и Дуайта Эйзенхауэра в 1956 году), — они одними из первых осознали важность подчеркивания морального банкротства Москвы. Они поняли, что признание Хрущевым сталинских чисток сделало практически невозможной защиту коммунизма даже для большинства его сторонников. В 1970-х годах, например, Дэниел Патрик Мойнихан заявил о моральной порочности Советского Союза и подготовил почву для важнейшего выступления Рейгана об «империи зла». Президент Джимми Картер использовал проведенное Джейн Киркпатрик различие между авторитарными и тоталитарными государствами для критики нарушений прав человека в Советском Союзе (например, в его выступлении в мае 1977 года), правда, его риторика не подкреплялась делами. В начале 1980-х годов Элиот Абрамс прилагал серьезные усилия, направленные на демократизацию Центральной Америки, но в итоге он стал жертвой политической мести.

Что касается нынешней группы, то здесь можно провести различие между сложным стратегическим анализом, встречающимся в работах таких неоконсерваторов-«практиков», как Пол Вулфовиц, Льюис Либби и Джон Болтон, и поверхностной болтовней академических неудачников и различных гостей ток-шоу, чье упрощенное понимание основных задач Америки

25 Walter Russell Mead. *Special Providence: American Foreign Policy and How It Change the World*. New York: Knopf, 2001. Pp. 218–263.

26 George Kennan. Sources of Soviet Conduct // *Foreign Affairs*. July 1947. Pp. 572–582.

сводит на нет усилия неоконсерваторов и — что еще хуже — республиканцев. Мы согласны с логикой, моральной направленностью и ходом их рассуждений. Например, логика рассуждений Болтона касательно Международного уголовного суда безупречна (настолько безупречна, что ее переняли даже французы), но мы сомневаемся в осмысленности напряженной борьбы, которую он ведет с этим судом.²⁷ Его руководство Инициативой по безопасности в области распространения ОМП показывает, что он способен действовать чрезвычайно эффективно в многосторонних группах. Стратегически нас устраивает неоконсервативное сочетание ценностей с властью. Наконец, хотя нам неприятны напыщенный и самодовольный тон некоторых неоконсерваторов и нападения *ad hominem*, мы не сомневаемся в их патриотизме или в том, что они действуют, исходя из своего понимания интересов Америки.

С ЧЕМ СОГЛАСИТЬСЯ НЕЛЬЗЯ

Обратимся теперь к нашим разногласиям с неоконсерваторами: большая часть того, что они говорят, представляет собой простое повторение неких вневременных принципов, которые в американской внешней политике восходят к времени правления администрации МакКинли. Немногие не согласятся с утверждением, что Соединенные Штаты по-прежнему должны оставаться сильными в военном отношении, что они должны сохранить за собой право на самооборону (как и все остальные страны в соответствии со статьей 51 Хартии ООН) и должны проводить политику, основанную на американских моральных ценностях (разве кто-то из президентов или кандидатов в президенты когда-то утверждал обратное?).²⁸

Однако такие банальности входят в неоконсервативную матрицу. Как стало понятно после появления еженедельной передачи Джона Болтона на «Голосе Америки», посвященной внешней политике, они стремились найти некие бесспорные послышки. Они составили смесь из непродуманных и чрезвычайно амбициозных идей: однополярности, превентивного милитаризма, империализма, санкций и односторонности. Америка заигрывала со многими из этих идей и раньше, но — главным образом под влиянием костяка республиканцев — ей удавалось сохранять соответствующее равновесие с другими понятиями, более тесно связанными с принципами, которые всегда отстаивала и продолжает отстаивать Америка. И чтобы составить о неоконсерваторах более полное представление, разумно более подробно рассмотреть вопросы, связанные с избранной ими стратегией и инструментами, используемыми для ее осуществления.

27 John R. Bolton. *Courting Danger: What's Wrong with the International Criminal Court* // R. James Woolsey (ed.). *The National Interest on International Law and Order*. New Brunswick, NJ: Transaction, 2003. Pp. 93–108.

28 Walter A. McDougall. *Promised Land, Crusader State: The American Encounter with the World since 1776*. New York: Houghton Mifflin, 1997. Pp. 172–198.

ЗАМАЛЧИВАЕМАЯ СТРАТЕГИЯ

Неоконсерватизм — это отнюдь не умеренная идеология. В своих работах и выступлениях неоконсерваторы предлагают план всеобъемлющего переустройства американской внешней политики вокруг своих целей. В своей книге «Нынешние угрозы: кризис и возможности в американской внешней и оборонной политике» (которая — в свете неоконсервативных авторов — служит чем-то вроде современного неоконсервативного канона) Роберт Кейган и Билл Кристол говорят о создании «стандарта глобальной сверхдержавы, которая намерена с пользой для себя заниматься формированием международной среды». Они отвергают узкое понимание «жизненно важных интересов» Америки и утверждают, что моральные цели и национальные интересы Америки тождественны. Они не согласны с использованием того, что Генри Киссинджер назвал «критерием избирательности», связанным, в частности, с разграничением жизненно важных и менее важных интересов, при определении американских приоритетов для вмешательства.²⁹ Кристол и Кейган утверждают, что «американская внешняя и оборонная политика должна стать неапологетической, идеалистической, напористой и значительно лучше финансируемой. Америка должна быть не только мировым полицейским или шерифом, она должна быть мировым маяком и ориентиром».³⁰ В своей книге «Положить конец злу», которая вышла в конце 2003 года после афганской и иракской войн, Дэвид Фрум и Ричард Перл повторили эти идеи в качестве неоконсервативной матрицы будущей внешней политики.³¹

Это может поразить многих традиционных республиканцев, которым совсем не близки идеи того, что принято называть утопической «социальной работой» клинтоновской администрации,³² или эйфория в духе «нести любое бремя, платить любую цену» администрации Кеннеди. Здесь нет ни малейшего намека ни на консервативные добродетели баланса и осмотрительности, ни на академические исследования, показывающие трудности, связанные с насаждением демократии.³³ Современный неоконсерватизм следует считать разновидностью не консерватизма, а «гуманитарных либеральных вильсоновских» левых.³⁴ Конечно, либеральные истоки этого движения свидетельствуют о том, что такая интерпретация имеет под собой серьезные основания, поскольку Кейган и Кристол заявляют о своей

29 Robert Kagan and William Kristol (eds). *Present Dangers: Crisis and Opportunity in American Foreign and Defense Policy*. San Francisco: Encounter, 2000. Pp. 13–23.

30 Kaplan and Kristol. *War over Iraq*. P. 121.

31 David Frum and Richard Perle. *An End to Evil: How to Win the War on Terror*. New York: Random House, 2003.

32 Michael Mandelbaum. Foreign Policy as Social Work // *Foreign Affairs*. January-February 1996. Pp. 16–32.

33 Amy Chua. *World on Fire: How Exporting Free Market Democracy Breeds Ethnic Hatred and Global Instability*. New York: Doubleday, 2002. Pp. 259–288.

34 Norman Podhoretz. Strange Bedfellows: A Guide to New Foreign Policy Debates // *Commentary*. December 1999. P. 19–31.

приверженности вильсоновским идеям.³⁵ Некоторые неоконсерваторы называют себя «последовательными вильсоновцами», то есть сторонниками последовательного применения американской силы для проведения в жизнь американского либерализма.³⁶ Здесь более всего уместен термин «либеральные империалисты».

Любопытно, что первое поколение неоконсерваторов в конечном итоге пришло к критике внешней политики, основанной на «правах человека», считая ее проявлением «скрытой левацкой программы».³⁷ Сегодняшние неоконсерваторы — такие, как Вулфовиц, — обратились к левым истокам движения, сделав права человека важным инструментом, например, американской политики в отношении Китая, хотя именно этот подход без каких-то заметных успехов использовали администрации Картера и Клинтона.³⁸ Дело в том, что после 1972 года одна фракция (или левые) объединились вокруг умеренного прогрессизма (представленного, возможно, Фондом Карнеги за международный мир, не последнюю роль в котором играет Роберт Кейган), тогда как другая фракция, называвшая себя неоконсерваторами, перешла в Республиканскую партию, где они теперь и находятся. Обустроившись в ней, они усвоили консервативный жаргон, но сохранили свои изначально левые устремления. Нет никакой разницы между ними и точкой зрения Мадлен Олбрайт относительно Косово или ее моралистическими самовосхвалениями в духе: «мы все делаем правильно».³⁹

Но в действительности глобализм и идеализм неоконсерваторов, определяющие дискурс, который мобилизует патриотические настроения, являются всего лишь дымовой завесой. На деле они преследуют очень узкие цели: Ближний Восток и военная сила, точнее, использование военной силы на Ближнем Востоке. Они представляют новое явление в американском внешнеполитическом анализе — нечто, что можно назвать «созданием программ». Рассмотрим «Нынешние угрозы». Мы не найдем в них никакого упоминания о Латинской Америке, Мексике или Африке. Изредка встречаются замечания о Японии и Юго-Восточной Азии. Индия и Пакистан рассматриваются только в связи с вопросом о нераспространении ядерного оружия. О Европейском Союзе речь заходит только в связи с разногласиями в НАТО. При обсуждении региональных проблем, например ядерной программы Северной Кореи, опасность распространения ядерного оружия используется главным образом для того, чтобы подчеркнуть готовность неоконсерваторов действовать в одностороннем порядке и — при необходимости — использовать упреждающую силу. Ричард Перл заявляет, что он поддержит одностороннее нападение

35 Robert Kagan and William Kristol. *American Power — For What?* // *Commentary*. January 2000. P. 30–32, 35–36.

36 Max Boot. *Neocons* // *Foreign Policy*. January / February 2004. P. 20.

37 Irving Kristol. *Human Rights: Hidden Agenda* // *National Interest*. Winter 1986 / 1987.

38 Paul Wolfowitz. *Statesmanship in the New Century* // Kagan and Kristol. *Present Dangers*. Pp. 318–320.

39 Madeleine Albright. *Madam Secretary: A Memoir*. New York: Miramax, 2003. Pp. 395–407.

на Северную Корею, даже если в результате погибнет более десяти миллионов жителей Сеула.⁴⁰

Экономическое измерение почти полностью отсутствует. 80% книги посвящено Ближнему Востоку или обоснованию необходимости создания сильных вооруженных сил. Та же схема повторяется и в других местах. В книге «Положить конец злу» единственным внешнеполитическим вызовом Соединенным Штатам назван исламский терроризм. Эксперты «Проекта за новый американский век» в основном озабочены Ближним Востоком. Члены общества «Американцы за победу над терроризмом» озабочены только им. Когда речь заходит о других вопросах, например, о возможном развертывании американских войск в Либерии, неоконсерваторы уже не так единодушны.⁴¹ Как ни странно, давние исторические связи Америки и, как показано Робертом Капланом, возможность предотвращения гуманитарной катастрофы и повышения стабильности в регионе от Нигерии до Сьерра-Леоне при помощи военного вмешательства получают куда меньше внимания.⁴² По поводу Ирвинга Кристола Оуэн Харрис, бывший редактор *National Interest* заметил, что «Австралия и остальное сухопутное пространство, включая Азию, Латинскую Америку и Канаду, занимают его гораздо меньше, чем Соединенные Штаты, Европа и Израиль».⁴³

Что касается Ближнего Востока, то здесь взгляды неоконсерваторов весьма специфичны: они открыто выступают против мирного процесса и вообще ислама. В различных панегириках «доктрине Буша», принятой в 2002 году, критике подверглась только ближневосточная политика, которая была названа «нерешительной» и «нереалистичной».⁴⁴ Некоторые видные неоконсерваторы, включая Ричарда Перла и Дугласа Фейта, в 1996 году приняли участие в подготовке исследования для израильского премьер-министра Биньямина Нетаньяху с рекомендацией выйти из начатого в Осло мирного процесса.⁴⁵ В 2001 году

ЧТО КАСАЕТСЯ БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА, ТО ЗДЕСЬ ВЗГЛЯДЫ
НЕОКОНСЕРВАТОРОВ ВЕСЬМА
СПЕЦИФИЧНЫ: ОНИ ОТКРЫТО
ВЫСТУПАЮТ ПРОТИВ МИРНОГО
ПРОЦЕССА И ВООБЩЕ ИСЛАМА

40 Frum and Perle. *An End to Evil*. Pp. 99–100.

41 Charles Krauthammer. Liberal Democrats' Perverse Foreign Policy // *Washington Policy*. July 11, 2003. P. A21.

42 Robert Kaplan. *The Coming Anarchy: Shattering the Dreams of the Post-Cold War World*. New York: Vintage, 2001. Pp. 7–15.

43 Owen Harris. The Australian Connection // Christopher DeMuth and William Kristol (eds). *The Neo-Conservative Imagination*. Washington, DC: AEI Press, 1995. P. 35.

44 Norman Podhoretz. In Praise of the Bush Doctrine // *Commentary*. September 2002. Pp. 19–28.

45 A Clean Break: A New Strategy for Securing the Realm. Strategic Research Publications, Institute for Advanced Strategic and Political Studies, June 1996.

Фейт написал для сборника «Ближневосточный мирный процесс: вскрытие» статью под названием «Земля, на которой нет мира».⁴⁶ Занимая должность председателя Совета по оборонной политике, Перл способствовал проведению в июле 2002 года антисаудовского выступления аналитика из корпорации РЭНД Лорана Муравича.⁴⁷ Выдающийся историк Бернард Льюис, занимающийся в основном историей Османской империи, использовал свой огромный авторитет в широком неоконсервативном наступлении на ислам; кроме того, не следует забывать, что несмотря на должность заслуженного профессора Принстонского университета, в нынешних политических дебатах он является влиятельным и тактическим игроком, а вовсе не беспристрастным наблюдателем.⁴⁸ И сразу же после присоединения Америки к палестино-израильскому плану урегулирования «Дорожная карта» неоконсерваторы заявили о бесперспективности этих усилий.⁴⁹ Перл все время настаивает на идее применения американской силы во всех уголках света, но когда речь заходит о мире между арабами и палестинцами, он говорит, что Соединенные Штаты должны ограничиться «в лучшем случае... использованием своего влияния для того, чтобы помочь посредникам создать нейтрализованное и безоружное палестинское мини-государство».⁵⁰

В качестве примера того, что такие соображения могут иногда вести к обострению ситуации, и чтобы отразить мнения, иногда высказываемые на среднем уровне, полезно рассмотреть выдержки из документа под названием «Должен ли ислам быть религией нового иракского государства?», распространявшегося среди гражданской администрации в Багдаде в мае 2003 года. После заявления о том, что «наше освобождение Ирака позволяет нам революционизировать мусульманскую мысль о роли ислама в государстве», документ предлагает две возможности: «согласиться с тем, чтобы ислам был объявлен государственной религией», или «сделать так, чтобы ислам не стал государственной религией». Иными словами, велось активное обсуждение не просто устранения Саддама Хусейна или угрозы оружия массового поражения, но и религиозной основы, на которой было построено иракское государство.

В документе рассматриваются преимущества первой возможности с точки зрения того, чтобы «помешать ваххабитам, иранским муллам и другим фундаменталистам заявить, что США пытаются сделать из мусульман неверных». Но при этом отмечаются трудности, связанные с «вопросом о том, какой тип ислама будет поддерживать государство (шиитский или суннитский), и постоянными изменениями в численности шиитов и сун-

46 Neal Kozodoy (ed.). *The Mideast Peace Process: An Autopsy*. New York: Encounter, 2001.

47 Thomas E. Rick. Briefing Depicted Saudis as Enemies: Ultimatum Urged to Pentagon Board // *Washington Post*. August 6, 2002. P. A1.

48 Peter Waldman. A Historian's Take on Islam Steers US in Terrorism Fight // *Wall Street Journal*. February 3, 2004. P. 1.

49 Daniel Pipes. Does Israel Need a Plan? // *Commentary*. February 2003. P. 19.

50 Frum and Perle. *An End to Evil*. P. 182.

нитов, поскольку рождаемость у шиитов заметно выше, особенно на юге». Отсюда следует вывод, что «ислам должен быть признан государственной религией в последнюю очередь».

Документ был послан Полу Вулфовицу, Ричарду Перлу, Элиоту Абрамсу, Бернарду Льюису, Эби Шульски, Дугласу Фейту, Полу Бремеру (тогда он еще не был главой американской администрации в Багдаде) и другим, и отдельные положения из него получили отражение в проекте иракской конституции.

Этот документ ставит довольно амбициозные цели относительно преобразования древней культуры. При этом о способах достижения этих целей не сказано ни слова; ничего не говорится об истории региона и в частности о том, что за период с 1952 по 1979 год в нем было свергнуто пять прозападных королей и правителей; не поднимается и вопрос о негативных последствиях. Документ содержит идеи, выходящие далеко за рамки объявленной цели — устранения угрозы иракского оружия массового поражения. В нем полностью отразился фатальный недостаток неоконсерваторов: слишком громкие цели и отсутствие прагматизма.

Документ также позволяет увидеть скрытую программу неоконсерваторов. Если мы все поняли правильно, то суть документа сводится к следующему:

Ближний Восток — это регион, стратегически важный для Соединенных Штатов. Безопасность Израиля вызывает у них особую озабоченность, а доступ к энергетическим ресурсам Ближнего Востока жизненно важен. Тем не менее регион весьма нестабилен и успешные попытки вмешательства предыдущих американских администраций закончились ничем. Наши друзья в Израиле говорят нам, что палестинская интифада — это неподъемное экономическое и человеческое бремя. Наши друзья в Саудовской Аравии говорят нам, что они сидят на фундаменталистской пороховой бочке. Сохранение статус-кво — это не выход. Нужны новые подходы. Неизбираемые правительства Лиги арабских государств надо убедить в необходимости проведения реформы и перехода к демократическому плюрализму. Важно изменение — убеждением по возможности, силой при необходимости. Вторым шагом будет укрепление мирного процесса.

В своем интервью газете *Jerusalem Post* Вулфовиц в целом придерживался именно этой линии аргументации.⁵¹ В своем сочувственном изложении взглядов неоконсерваторов в администрации Буша по Ближнему Востоку Уильям Шоукросс пришел к тем же выводам.⁵² И все же, даже если в этом есть какой-то стратегический смысл, мы сомневаемся, что такие планы осуществимы. Тем не менее если стратегия неоконсерваторов заключается именно в этом, то американцам должно быть сказано об этом прежде, чем Соединенные Штаты примутся за преобразование мира. Бесконечное пере-

51 Janine Zakariah. Interview with Paul Wolfowitz: Building a Free and Democratic Iraq Is Going to Be a Huge Victory in the War on Terrorism // *Jerusalem Post*. September 29, 2003.

52 William Shawcross. *Allies: The US, Britain, Europe and the War in Iraq*. New York: Public Affairs, 2004. P. 56.

числение искаженных, ложных и сфабрикованных фактов и политических претензий, которое мы видели до сих пор, непродуктивно и требует включения вопроса о доверии и достоверности в политические расчеты. Именно это мы имеем в виду, когда говорим, что, несмотря на всю свою декларируемую прозрачность, неоконсерваторы имеют скрытую программу, которая должна быть выставлена на всеобщее обозрение, чтобы ее можно было внимательно изучить и обсудить. Внешняя политика великой страны не может основываться на тактике ухода от ответов, которая не так давно получила распространение в американской системе принятия политических решений. Такой подход, как признают и сами неоконсерваторы, ведет к гибели.

МОРАЛЬНОЕ ВЫСОКОМЕРИЕ

Неоконсерваторы много говорят о мнимой «моральной чистоте» целей внешней политики — или, по крайней мере, о возврате к этой «чистоте» после спячки, наступившей после рейгановской администрации. На самом деле, как пишет Генри Киссинджер, с большим подозрением относящийся к неоконсерваторам: «Моральные цели были основной движущей силой американской политики и войн в XX веке».⁵³ Таким образом, заявления неоконсерваторов о том, что они лучше всех других знают, что такое добро и зло, не имеют под собой никаких оснований. В своей речи при вступлении на пост президента Дуайт Эйзенхауэр заявил, что «силы добра и зла сегодня многочисленны, вооружены и воинственны как никогда прежде».⁵⁴ Можно пойти еще дальше. Сознание американской исключительности, сознание того, что Америка стремится быть совершенно особым, невиданным прежде обществом возникло очень и очень давно; об этом — среди прочих — говорили Авраам Линкольн, Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон. Так что неоконсервативная элита не сказала здесь ничего нового. Мы не считаем такие неправомерные притязания на патент, которым они не владеют, поводом для бичевания. Но мы просим их согласиться с тем, что другие, в том числе и мы, имеют свои собственные представления об особом месте Америки в мире. Одни из нас впитали такие чувства с молоком матери; другие приехали сюда сами и привезли сюда свои семьи, чтобы вдохнуть воздух свободы.

На самом деле, заявляя о своих особых моральных добродетелях, неоконсерваторы вступают на опасную почву. Проблема «моральной чистоты» (кто обладает ею, кто притязает на нее) преследовала президента с самого начала. Несомненно, это непростой политический товар: сказать, что неоконсерваторы имеют его, легко, сложнее доказать. Каждый президент утверждает, что он более последовательно придерживается моральных идеалов нации, чем его предшественник, но так ли это? Билл Клинтон вел свою избирательную кампанию под этим лозунгом, заявляя, что он, в отличие от Джорджа

53 Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика: к дипломатии для XXI века. М., 2002. С. 272.

54 Stephen E. Ambrose. *Eisenhower: Soldier and President*. New York: Simon and Schuster, 1990. P. 297.

Буша-старшего, не даст спуска «пекинским мясникам». В результате при его администрации с Китаем были установлены нормальные торговые отношения.⁵⁵ Осуждая это, Джордж Буш-младший заявил, что он будет считать Китай «соперником, а не стратегическим партнером».⁵⁶ Через три месяца его администрация очень прагматично уладила с Китаем инцидент, связанный с самолетом-шпионом EP-3; отношения с Китаем заметно улучшились, когда администрация Буша признала, что ей необходимо сотрудничество с ним для сдерживания ядерных амбиций Северной Кореи. Совершив дружественный жест в адрес Китая, Соединенные Штаты объявили Исламское движение Восточного Туркестана террористическим. В своем выступлении в Университете Циньхуа в феврале 2002 года президент Буш сказал: «Китай сейчас на подъеме, и Америка приветствует появление сильного, миролюбивого и процветающего Китая». В декабре 2003 года США и Китай сблизились в своих позициях по Тайваню. Кроме того, президент Буш стал более доступным для китайцев и сейчас встречается с ними даже чаще, чем раньше президент Клинтон.⁵⁷

Проблема в том, что во внешней политике сложно быть морально последовательным. Реальность слишком быстро заставляет забыть об идеологических лозунгах. Лицемерие и двойные стандарты встречаются на каждом углу, и политики, которые вынуждены торговаться и идти на уступки, не обязательно оказываются моральными банкротами. Но неоконсерваторы, например, умолчали об исчезновении высокого морального тона президента Джорджа Буша-младшего относительно авторитарного режима в Китае, хотя в сборнике статей, опубликованном в начале 2000 года, Китай недвусмысленно был назван политическим, военным и моральным противником.⁵⁸ В то же самое время они без малейших колебаний критикуют всех, кто не согласен с неоконсервативной программой войны с терроризмом, в том числе старых добрых республиканцев, замечая, что в их политических рекомендациях отсутствует собственно моральное измерение. Это, конечно, относится к Ближнему Востоку, где идеологические предписания тесно переплетаются с моралью при проведении политики, сочетающей моральные обязательства Америки перед Израилем с объективным навязыванием рыночной демократии всему региону. Они считают решенным вопрос о реалистичности и осуществимости такой политики с учетом ограниченности ресурсов, с которой сталкиваются Соединенные Штаты, и серьезной задачи переработки чуждой политической культуры во всем регионе. Они отмахиваются от вопросов о том, что подобная захватническая политика может привести к распространению исламского фундаментализма. Они забывают

55 James Mann. *About Face: A History of America's Curious Relationship with China. From Nixon to Clinton*. New York: Knopf, 1999. P. 292–314.

56 Джордж Буш-младший. Особый американский интернационализм. Выступление в Библиотеке Рональда Рейгана. Сими-Вэлли, Калифорния. 19 ноября 1999 года.

57 David M. Lampton. The Stealth Normalization of US-China Relations // *National Interest*. Fall 2003. Pp. 37–48.

58 Elliott Abrams et al. American Power—For What? // *Commentary*. January 2000. Pp. 21–47.

о различии между идеологической и реалистической политикой. Переоценка собственных сил представляет вполне реальную опасность; и она не раз возникала в истории наций, имеющих глобальные устремления. Это подводит нас к вопросу о манере ведения политических споров в Соединенных Штатах.

Тех, кто не соглашается с неоконсервативными представлениями, автоматически причисляют к противникам Израиля. Тех, кто не принимает неоконсервативную программу и предлагает вернуться к реализму, которым на протяжении полувека руководствовалась республиканская внешняя политика, называют «аморальными» людьми либо «пораженцами». Но мы бывали в Восточной Европе во времена холодной войны. Когда мы пересекали Фридрихштрассе, разделяющую Восточный и Западный Берлин, мы не испытывали иллюзий. Мы знали, что мы переходим из общества, в котором человек был высшей ценностью, в общество, где его презирали. Мы также знали, что так считали не мы одни. В Соединенных Штатах холодная война, вызванная идеализмом, но опиравшаяся на реализм, была сбалансированной политикой, которая проводилась на двухпартийной основе. То же касалось и Британии, где и консервативные, и лейбористские премьеры были одинаково преданны этой борьбе. В Европе два социалистических лидера — Франсуа Миттеран во Франции и Гельмут Шмидт в Западной Германии — были наиболее активными сторонниками ядерных сил среднего радиуса действия. Но каким было отношение к левым и правым политикам, которые были с этим не согласны? Конечно, они вызывали политическую напряженность, но они были нашим козырем, потому что они показывали Советам, что, в отличие от них, мы обходимся без Гулага для тех, кто не согласен с нами. Конечно, мы согласны с тем, что Рональд Рейган обозначил главные недостатки Советов и во многом способствовал гибели этого режима, но мы также согласны с Маргарет Тэтчер в том, что «коммунистическая система содержит в себе источники своего собственного разрушения — свое отрицание прав человека, свое противодействие новому, свое подавление национальностей».⁵⁹ Необходимо помнить, что арабские тирании, господствующие в регионе, также содержат в себе семена своей гибели и что наша задача заключается в том, чтобы помочь переходу или, по крайней мере, повлиять на него, но ни в коем случае не навязывать его.

Моральная цель определяла американскую внешнюю политику на протяжении всей истории нашей страны. При всем своем недовольстве американским морализаторством, двойными стандартами и лицемерием, иностранцы признают, что в трудные времена именно американские ценности спасали положение. Но чтобы добиться лучшего результата необходимо, чтобы моральная цель была приемлемой для всех. Мы не испытываем зависть к успехам неоконсерваторов. На наш взгляд, их принципы могли бы быть менее жесткими и чуть более близкими к человеку. Например, Уильяма Бен-

59 Caspar Weinberger and Peter Schweiz. *The Next War*. Washington, DC: Ragnery, 1996. P.ix.

нетта его сторонники иногда называют «совестью Америки». Он принадлежит к доктринально иерархической церкви, которая опирается на апостольское происхождение от новозаветного Иисуса Христа. Но когда его личная склонность к насилию отличается от толкования учения Христа его церковью, он, не колеблясь, приводит в подтверждение своих собственных взглядов законнические толкования.⁶⁰ Неоконсерваторы выступают резко против того, что они называют «моральным релятивизмом», но разница между принципами, лежащими в основе рекомендаций для Ближнего Востока, и принципами, лежащими в основе продуманной политики в других регионах, кажется очевидной. Мораль должна быть вдохновляющей идеей, а не средством отделения Америки от остального мира и одних американцев от других.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Акцент на односторонней военной силе («упреждающая и односторонняя война») как на первом и зачастую единственном варианте решения проблемы — это «джокер» в колоде неоконсерваторов.⁶¹ С самого начала склонность к использованию силы была отличительной особенностью неоконсервативной идеологии, и связь ранних неоконсерваторов с Демократической партией в 1970-х годах была обусловлена главным образом тем, что они называли своей «культурой умиротворения». Она считалась необходимым дополнением к господствующей либеральной культуре и получила распространение после признания неоконсерваторами того, что «сила порождает ответственность — прежде всего, ответственность за ответственное использование этой силы».⁶²

В отличие от своих интеллектуальных предшественников, сегодняшние неоконсерваторы предлагают куда менее утонченную идеологию. Они отвергают «рефлексивное неприятие силы» Демократической партией и выступают за использование силы как самоцели, несколько не заботясь о последствиях.⁶³ (Вспомним Афганистан и Ирак). Бесспорное превосходство американской военной технологии позволяет с невероятной легкостью осуществить предлагаемые ими идеи, по крайней мере на военном этапе. Войны, например в Афганистане и Ираке, можно вести очень быстро, с небольшими потерями (в том числе и у противника) и с высокой вероятностью победы.

Такое положение вещей сказалось на умонастроениях всех неоконсерваторов. Макс Бут пишет, что на фоне иракской кампании «легендарные генералы вроде Эрвина Роммеля и Хайнца Гудериана выглядят бездарями».

60 Bennett. *Why We Fight*. Pp. 33–36.

61 William Kristol. Taking the War beyond Terrorism // *Washington Post*. January 30, 2002. P. A25.

62 Irving Kristol. *Neoconservatism*. P. 91.

63 Lawrence F. Kaplan. The Neo-McGovernites // *Wall Street Journal*. July 8, 2003. P. A16.

Он предвидит наступление новой эпохи, когда Америка, как и Британская империя, постоянно будет вести какие-то войны.⁶⁴ Неоконсервативное восхищение войной, несомненно, представляет большой интерес для психологов. В конечном итоге, если суммировать все предложения неоконсерваторов, теоретически может начаться война на целых пять фронтов, в том числе и с Китаем.⁶⁵

При этом американцы должны помнить, что вопрос об оборонных расходах в этом случае обычно оставляется без внимания. Будучи ведущей страной мира, Соединенные Штаты неизбежно столкнутся с кризисом, который им придется решать в одиночку. С точки зрения всех консерваторов и большинства республиканцев, финансирование вооруженных сил должно быть достаточным. Неоконсерваторы покончили с сокращением военных расходов, которое произошло при клинтоновской администрации (в 1993 году была принята предложенная, кстати сказать, министром обороны Диком Чейни

Региональная оборонная стратегия — «мы должны существенно сократить наши вооруженные силы»), и добились значительного увеличения оборонного бюджета, хотя оборонные расходы по-прежнему составляют около 3,5 % ВВП.⁶⁶ Несмотря на отсутствие ясности в вопросе о дополнительных войсках в Афганистане и Ираке, американские вооруженные силы кажутся вполне боеспособными, по крайней мере с точки зрения Белого дома. Брюс Берковиц из Гуверовского института делает вывод,

ОЧЕВИДНЫЙ УРОК ЗАКЛЮЧАЕТСЯ В ТОМ, ЧТО СИЛА НЕ ПРИВОДИТ К ТЕМ РЕЗУЛЬТАТАМ, О КОТОРЫХ ОБЫЧНО ГОВОРЯТ СТОРОННИКИ ЕЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

что даже при более низкой доле военных расходов в ВВП — 3,2 % — «мы остаемся достаточно сильными».⁶⁷ Нужно только разобраться с тем, как использовать такую огромную силу.

Важно ответить на практический вопрос: насколько эффективно сила позволяет отвечать на вызовы, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты? Вторая мировая война недвусмысленно показала, что иногда войны бывают необходимыми и неизбежными. Но последующий опыт не столь очевиден. Корейскую войну лучше описывать как ничью, а Вьетнам явно отсылает к антивоенной парадигме. Войны после 11 сентября показали, что боевая доблесть Америки открыла эпоху легких войн. Неоконсервато-

64 Max Boot. *The Savage Wars of Peace: Small Wars and the Rise of American Power*. New York: Basic Books, 2002. Pp. 348–352.

65 Kagan and Kristol. *Present Dangers*. P. 3–24.

66 Project for the New American Century. *Rebuilding America's Defenses: Strategy, Forces and Resources for a New Century*. Washington, DC: PNAC, 2000. P. 75.

67 Bruce Berkowitz. *The New Face of War: How War Will Be Fought in 21st Century*. New York: Free Press, 2003. P. 75.

ры много писали о быстрой 26-дневной победе в Ираке. Бесспорно, военные успехи впечатляют. Пользуясь жаргоном Пентагона, американские войска не имели «сопоставимого соперника». Однако последствия — даже после поимки Саддама Хусейна — куда более проблематичны в долгосрочной перспективе.⁶⁸

В этом отношении показателен пример Афганистана. После ухода из этой страны в 1991 году советской армии один из авторов данной статьи поддержал попытку Британии убедить Соединенные Штаты продолжить работу в Афганистане. Сначала наши доводы выслушивались с большим вниманием, поскольку мы предостерегали об опасностях фундаменталистского рецидива, связанного с коррупцией, некомпетентностью и алчностью полевых командиров и недостаточным финансированием афганского правительства. Но постепенно мы спускались все ниже и ниже по бюрократической лестнице. Всех интересовало только возвращение неиспользованных ракет Стингер. Такое поведение не привело напрямую к возвышению Талибана и Усамы бен Ладена, но в немалой степени способствовало этому.

Очевидный урок заключается в том, что сила, даже когда она используется с таким поразительным клиническим эффектом, не приводит к тем результатам, о которых обычно говорят сторонники ее использования. Война, как инструмент изменения, не позволяет эффективно решать глубокие политические и культурные проблемы, преодоление которых является предпосылкой рыночной демократии. В случае войны всегда следует помнить о том, что будет после нее. Поэтому следует с подозрением относиться к потоку книг, в которых красочно описываются различные аспекты военной кампании в Ираке, но почти ничего не говорится о последующей политике.⁶⁹ И если неоконсерваторы верят, что война является наиболее предпочтительным способом решения конфликта, то они должны также верить в поддержание мира при помощи нациестроительства, но такая технология ни им, ни кому бы то ни было еще не известна.

Это, конечно, означает, что издержки войны связаны не только с боевой фазой; они охватывают также продолжительный и очень затратный период послевоенного управления. Афганистан и Ирак обходятся слишком дорого для американского налогоплательщика и изымают огромные средства из американской экономики. И, конечно, об этом в своих работах неоконсерваторы умалчивают. Именно поэтому мы спрашиваем: разумно ли отвергать, как призывают неоконсерваторы, другие инструменты внешней политики, имеющиеся у американского правительства? При помощи дипломатических, экономических, торговых и культурных рычагов можно оказывать очень серьезное влияние на политику других стран. Но в случае войны в Ираке упреждающие военные действия не позволили использовать политические средства в полной мере.

68 Max Boot. *The New American Way of War // Foreign Affairs*. July-August 2003. P. 44.

69 William Murray and Robert Scales. *The Iraq War: A Military History*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2003. Pp. 251–256.

Кроме того, неоконсерваторам можно также задать вопрос о том, не ведет ли такое пристрастие к силе и искажениям в восприятии международных проблем. Если основным политическим инструментом является военная сила, то политики неизбежно начинают увлекаться поиском врагов. Китай, при всей его сложности и неоднозначности, смешно считать противником, которому необходимо «бросить вызов и нанести встречный удар». ⁷⁰ Продолжающаяся борьба между сторонниками жесткого курса и реформаторами в Иране игнорируется, а не подвергается тщательному анализу на предмет развития ситуации в более благоприятном для Америки направлении. Так, Майкл Лидин из Американского института предпринимательства настаивает на необходимости войны, утверждая, что «в отличие от свержения Саддама Хусейна, поражение мулл и победа свободы в Тегеране станет подлинно историческим событием». ⁷¹ Джон Болтон отвергает всякую возможность переговоров с Северной Кореей и обвиняет тех, кто говорит о такой возможности, в «мягкотелости». В любом случае можно без большого труда показать, что рассуждения неоконсерваторов о силе оказываются малоубедительными главным образом вследствие связанного с нападением ущерба. Готовы ли Соединенные Штаты пожертвовать Сеулом (на него нацелены 11.000 северокорейских артиллерийских орудий, выстроенных вдоль демилитаризованной зоны в тридцати трех милях от столицы Южной Кореи) в случае нападения на Северную Корею? Такое вряд ли можно представить. Но, рассуждая о военных решениях, которые на самом деле невозможны, неоконсерваторы подрывают доверие к Америке, серьезно осложняя поиск осуществимых решений.

Наконец, нельзя не задать вопрос о влиянии неоконсервативных представлений о применении силы на отношения Америки с остальным миром и на само американское общество. Два неоконсерватора, профессор Элиот Коэн из Совета по оборонной политике и бывший директор ЦРУ Джеймс Вулси, утверждают, что Соединенные Штаты идут к «Четвертой мировой войне». ⁷² Очевидно, что такие заявления, которые восходят в своих истоках к троцкистской идее «перманентной революции», неизбежно попадают в заголовки газет и вызывают серьезное беспокойство. Но разве такой подход к глобальным проблемам, с которыми сталкиваются Соединенные Штаты, можно назвать приемлемым? Рядовые американцы вполне способны преследовать американские интересы и ценности, предлагая технологически передовые товары в бизнесе. Они обладают замечательной культурой, которая привлекает множество молодых людей. Они принимают тысячи иностранных студентов, которые способны увидеть Америку в лучших проявлениях. Наконец, есть тысячи других возможностей действовать в интересах Америки, не прибегая к военной силе.

⁷⁰ Ross H. Munro. China: The Challenge of a Rising Power // Kagan and Kristol. *Present Dangers*. Pp. 68–69.

⁷¹ Michael Leeden. Back the Freedom Fighters // *Washington Post*. June 23, 2003. P. A21.

⁷² Выступление Джеймса Вулси на семинаре Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе, организованном обществом «Американцы за победу над терроризмом» 2 апреля 2003 года.

Когда война — это больше чем лозунг, необходимо задать вопрос: каковы последствия этого? Внутри страны многие вынуждены молчать, поскольку из-за войны с террором и боевых действий в Ираке министерство юстиции ограничило действие четвертой поправки. Поскольку непрекращающаяся война ведет к централизации власти,⁷³ ограничения, изначально наложенные на федеральные власти и соответствующие американскому духу, упраздняются якобы ради защиты наших свобод. Нужно ли нам это? Готовы ли американцы пойти на такие жертвы?

Одна из основных задач неоконсерваторов, связанных с силой и военными методами, состоит в окончательном преодолении «вьетнамского синдрома». Неоконсерваторы не согласны с утверждением Джорджа Буша-старшего о том, что «Буря в пустыне» позволила США оправиться от Вьетнама. Напротив, пишет Элиот Коэн, «война в Заливе не покончила с “вьетнамским синдромом”, а только усугубила его».⁷⁴ Под этим он имеет в виду, что, хотя «Буря в пустыне» продемонстрировала способность Соединенных Штатов вести войны после Вьетнама, вызванные внешними причинами, она все же не смогла показать, что Соединенные Штаты могут вести войны по своему усмотрению — такие, как в Косово или Ираке. Неоконсерваторы не проявляют большого интереса к так называемым урокам Вьетнама, которые мешали проведению таких кампаний. Одна из их основных целей состоит в опровержении этих уроков.

Прежде, чем перейти к следующему разделу, в котором рассматривается вопрос о применении силы в качестве основного средства борьбы с терроризмом, стоит вспомнить о трех уроках, которые извлек из войны главный «архитектор» вьетнамской политики Роберт Макнамара, занимавший тогда пост министра обороны:

Тогда мы не смогли понять ограниченность современных высокотехнологичных вооружений, сил и доктрины перед необычайно высоко мотивированными народными движениями.

Мы не придерживались принципа, что военные действия Соединенных Штатов, которые не являются ответом на прямые угрозы нашей собственной безопасности, должны проводиться совместно с многонациональными силами при полной (а не только внешней) поддержке международного сообщества.

В основе многих этих ошибок лежит наша неспособность организовать высшие эшелоны власти таким образом, чтобы они могли эффективно решать невероятно сложные политические и военные вопросы, связанные с применением военной силы в сложных условиях в течение длительного времени.⁷⁵

73 Charles Tilly. *Reflections on the History of European State-Making* // Charles Tilly (ed.). *The Formation of Nation-States*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1975. P. 42.

74 Eliot A. Cohen. *Supreme Command: Soldiers and Leadership in Wartime*. New York: Free Press, 2002. P. 199.

75 Robert MacNamara. *In Retrospect: The Tragedy and Lessons of Vietnam*. New York: Times Books, 1995. Pp. 322–323.

На наш взгляд, такие уроки следовало бы усвоить и нашим неоконсерваторам. Сила занимает важное место во внешней политике всех стран, но на протяжении пятидесяти лет целью американской внешней политики была минимизация проявлений международного насилия. Если же это больше не является главной целью американской политики, это означает большие перемены. Неоконсерваторы запросто говорят: «Теперь же, когда они сильны, Соединенные Штаты и ведут себя подобно остальным сильным странам».⁷⁶ Может и так. В этом есть какая-то неизбежность. Но мы полагаем, что стоит задаться вопросом о том, каким американцы хотят видеть будущее своей страны. Почему Америка должна просто идти путем, проторенным некогда великими державами? На наш взгляд, это предательство и республиканских, и консервативных принципов, ведущее к бесконечным и бессмысленным вмешательствам в духе клинтоновской администрации, которые справедливо критиковались неоконсерваторами.

ОТВЕТ НА 11 СЕНТЯБРЯ

Сразу же после 11 сентября произошло очень важное событие. В своем обращении к нации президент Буш заявил: «Ведется поиск тех, кто стоит за этими чудовищными злодеяниями. Я бросил все силы нашей разведки, чтобы найти и наказать тех, кто несет за них ответственность. *Мы не станем делать различия между террористами, которые совершили эти действия, и теми, кто предоставил им убежище*» (выделено нами). Та же мысль повторялась в обращении Буша к нации 7 октября 2001 года, когда уже шла война в Афганистане: «Сегодня мы сосредоточились на Афганистане, но борьба намного шире. *Каждая страна должна сделать выбор. В этом конфликте нельзя оставаться в стороне. Если правительства оказывают поддержку бандитам и убийцам невинных людей, они сами должны быть объявлены бандитами и убийцами*» (выделено нами).

Однако не все так однозначно. Имеются подтверждения того, что поначалу США считали события 11 сентября вызовом со стороны негосударственных участников. После встречи со своей командой, отвечающей за национальную безопасность, Буш сказал: «Американский народ должен знать, что мы столкнулись с невиданным доселе врагом. И этот враг скрывается в тени». В своем выступлении на совместном заседании обеих палат конгресса 20 сентября он говорил: «Американцы спрашивают: “Как мы будем воевать и побеждать в этой войне?”... *Эта война будет отличаться от войны в Ираке десятилетием ранее. Она не будет похожа и на воздушную войну над Косово два года назад*» (выделено нами).

Ответ на вопрос о том, как Соединенные Штаты перешли от позиции, предполагавшей ведение сложной и продолжительной борьбы с террористами и схожей с политикой многих близких союзников Соединенных Штатов, которые сталкивались и продолжают сталкиваться с острыми и хроническими террористическими вызовами (Британия с ИРА, Франция с ОАС, Герма-

⁷⁶ Кейган Р. *О рае и силе*. М., 2004. С. 25.

ния с «красными бригадами», Испания с ЭТА), к своей окончательной позиции, предполагавшей борьбу с государствами-спонсорами терроризма, когда обычная война между государствами стала нормой, а война в Ираке — неизбежной, — должны дать будущие историки. Они оценят, насколько эффективным был этот подход к борьбе с террористической угрозой. Но уже сейчас очевидно, что этот переход тесно связан с позицией неоконсерваторов и вмешательством этой группы интересов в политический процесс. Пол Вулфовиц выступил за нападение на Ирак уже 15 сентября, то есть спустя всего четыре дня после событий 11 сентября, не имея на то никаких веских оснований. 11 сентября спичрайтер президента Дэвид Фрум в течение часа говорил по телефону с Ричардом Перлом, первым откликом которого на эти события стал призыв к активным действиям «не только против самих террористов, но и против всех, кто покрывает этих террористов».⁷⁷ Перл одним из первых привлек внимание общества к важности борьбы с государствами.⁷⁸ В конечном итоге язык, которым пользовалось высшее политическое руководство, и определил конечный политический исход.

Как заявил Дональд Рамсфелд, выступая перед конгрессом 9 июля 2003 года, «коалиция действовала в Ираке не потому, что мы получили новые данные о стремлении Ирака использовать оружие массового поражения, а потому, что мы видели данные в новом свете сквозь призму нашего опыта 11 сентября». Так это или нет, но факт остается фактом: неоконсерваторы сосредоточили внимание на тех *государствах* — таких, как Ирак, Иран и Сирия, — которые более десятка лет были основным предметом обсуждения у них, а не на *причинах* 11 сентября, о которых до сих пор известно еще очень мало. Сконцентрировавшись на так называемых «хозяевах террора», неоконсерваторы смогли повлиять на процесс принятия внешнеполитических решений и добиться осуществления своей заветной цели — нападения на Ирак.⁷⁹ Эта идея восходит, по крайней мере, к черновому варианту «Руководства по оборонному планированию» 1992 года (которое в конечном итоге было опубликовано в 1993 году в виде «Региональной оборонной стратегии»), когда неоконсерваторы при поддержке тогдашнего министра обороны Дика Чейни получили возможность изложить свои соображения насчет Ирака.⁸⁰ Вулфовиц признает, что его лично Ирак начал беспокоить еще в 1979 году, хотя он «знал об этой стране только из книг».⁸¹ В письме президенту Клинтону от 26 июля 1996 года, подготовленном «Проектом за новый американский век» и подписанном несколькими влиятельными неоконсерваторами, а также Дональдом Рамсфелдом и Ричардом Армитаджем, эта мысль получила дальнейшее развитие. В нем говорилось: «Единственной приемлемой стратегией является стратегия, направленная на устранение возможности

77 Sam Tanenhaus. Bush's Brain Trust // *Vanity Fair*. July 2003. P. 117.

78 Richard Pearle. The US Must Strike at Iraq // *New York Times*. December 28, 2001. P. A19.

79 Michael Ledeen. *The War against the Terror Masters*. New York: St. Martin's Griffin, 2003. Pp. 269–288.

80 Dick Cheney. Defense Strategy for 1990s: The Regional Defense Strategy. P. 21.

81 Jim Hoagland. Getting to Know the Iraqis // *Washington Post*. July 20, 2003. P. B7.

использования Ираком оружия массового поражения. В ближайшей перспективе это означает готовность перейти к военным действиям, поскольку дипломатия явно терпит неудачу». В последующие годы неоконсерваторы установили контакт с Иракским национальным конгрессом, долгое время выступавшим за свержение Саддама Хусейна.

Поэтому неоконсерваторы оказались готовыми к 11 сентября. Намного лучше, чем кто-либо другой, они дали ответ и обозначили цели. Координаты Саддама во вполне буквальном смысле уже были внесены в компьютер. В результате, Соединенные Штаты просто повторили операцию «Буря в пустыне» с тем лишь отличием, что в этом случае военная технология обеспечила еще более быстрые средства уничтожения. Мы уже отмечали, что во многом это означало выполнение ранее существовавшей неоконсервативной программы; в этом случае речь не шла о совершенно новом ответе на чрезвычайную ситуацию, как в случае с Перл-Харбором и политикой сдерживания после Второй мировой войны. В то же время открытым остается вопрос о том, как это способствует борьбе с терроризмом и победе над ним, то есть достижению цели, объединяющей всех нас.

Сегодня как сами террористы, так и борцы с ними сходятся в том, что в эпоху Интернета, сотовых телефонов, миниатюризации технологий, массовых авиаперевозок и глобальных финансовых сетей терроризм «демократизировался» и нападения теперь могут совершаться виртуальными сообществами, которые не нуждаются в государственных ресурсах или централизованных структурах. Если Абу Нидаю нужна была поддержка различных Ливийских народных бюро (посольств) для безопасного общения и получения финансовых средств, то теперь без такой поддержки вполне можно обойтись. Первый директор центра по борьбе с терроризмом британской разведки говорит, что, на его взгляд, сегодня «государственная поддержка» представляет собой устаревшую идею.⁸² Современный терроризм может приводить к разрушительным последствиям без больших затрат. События 11 сентября были устроены девятнадцатью террористами, потратившими на всю операцию менее 500 000 долларов. По оценкам, нападение на Всемирный торговый центр в 1993 году обошлось в 20 000 долларов.⁸³ Уверенность сегодняшних неоконсерваторов в том, что терроризм нуждается в многомиллионных вливаниях, представляется по крайней мере странной.⁸⁴ По оценкам британских специалистов по борьбе с терроризмом, даже на пике своей террористической деятельности в ИРА входило менее 100 активных членов. Израиль уничтожил и посадил в тюрьмы сотни представителей «высшего руководства Хезболла», но террор с участием смертников не прекратился. Российские военные постоянно проводят зачистки в чеченских селениях,

82 Jessica Stern. *Protean Enemy* // *Foreign Affairs*. July-August 2003. Pp. 27–40.

83 *Terrorist Financing: Foxes Run to Ground* // *Journal of Money Laundering Control*. Winter 2003. London: Howard Stuart Publication. P. 275.

84 Rachel Ehrenfeld. *Funding Evil: How Terror Is Financed and How to Stop It*. Chicago: Bonus Books, 2003.

но взрывы в Москве продолжают. Как только терроризм становится массовым явлением, «руководство оказывается ненужным».⁸⁵

Президент Буш был прав, когда сказал, что враг скрывается в тени. Вряд ли есть необходимость в лидерах, когда по электронной почте рассылаются миллионы писем с инструкциями, «как убить американца». В Сети существует множество сайтов, призывающих к террору. Именно поэтому неоконсервативная идеология неспособна ответить на этот вызов. Она реакционна. Неоконсервативная политика не только вызывает антиамериканские настроения во всем мире, сводя на нет наши дипломатические усилия, она еще и возвращает нас в более раннюю эпоху, когда военное соперничество между национальными государствами было основной составляющей международных отношений. Вместо опоры на классические инструменты борьбы с терроризмом и работу спецслужб, подкрепляемую политическими усилиями по устранению причин терроризма, неоконсервативная модель опирается на классические европейские войны XVIII–XIX веков.

ЛОЖНАЯ ИСТОРИЯ

При всей своей страстной увлеченности идеями неоконсерваторы «больше озабочены влиянием на общественные дебаты и политику, проводимую элитой, чем производством знания для других интеллектуалов».⁸⁶ Неоконсерваторы стремятся придать своей идеологии легитимность американской истории. Их герои — это Теодор Рузвельт, Гарри Трумэн и, конечно, Рональд Рейган. Но это не настоящая история, а подборка цитат, призванных подтвердить основную идею. Из Рузвельта они вспоминают его «большую дубину», но не слова предостережения относительно использования силы из его второй инаугурационной речи. Вообще ничего не говорится о серьезных дипломатических усилиях Рузвельта во время русско-японской войны, за которые он получил Нобелевскую премию мира.⁸⁷ У Трумэна они приветствуют его жесткую позицию по отношению к Советам, но ничего не говорят о его средствах, а именно — о его работе над созданием Организации Объединенных Наций.⁸⁸ Если говорить о Рейгане, то неоконсерваторы сводят его президентство к нескольким простым лозунгам. Конечно, Рейган придавал большое значение военной силе, но, подводя итог рейгановской внешней политике, его госсекретарь Джордж Шульц, оказывавший тогда покровительство по крайней мере двум лидерам нынешних неоконсерваторов, отмечал, что Рейган «верил в силу, достаточную для защиты своих интересов, но он считал эту силу средством, а не самоцелью. Он был

85 Roger D. Petersen. *Understanding Ethnic Violence: Fear, Hatred, and Resentment in Twentieth-Century Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

86 Sara Diamond. *Roads to Dominion: Right Wing Movements and Political Power in the US*. New York: Guilford, 1995. P. 179.

87 Edmund Morris. *Theodore Rex*. New York: Random House, 2001. P. 386–428.

88 Stephen C. Schlesinger. *Act of Creation: The Founding of the United Nations*. Boulder, Colo.: Westview, 2003. Pp. 5–16.

готов вести переговоры со своими противниками».⁸⁹ Иными словами, они напрасно ищут поддержки у Рузвельта, Трумэна и Рейгана, которые, в отличие от неоконсерваторов, никогда не считали военную силу основным инструментом внешней политики.

По иронии судьбы, один из представителей неоконсерваторов Дональд Кейган является профессиональным историком. В своей блестящей книге «Пелопонесская война»⁹⁰ он показывает, что империям не стоит быть слишком самоуверенными и следует с осторожностью относиться к слишком большой опоре на военную силу. Битва при Делиуме в 424 году до н. э., утверждает он, ускорила военный упадок Афин. Когда неоконсерваторы беспрестанно повторяют свою мантру о «Мюнхене», Делиум может как-то оживить эти скучные рассуждения. Кейган и сам мог поспособствовать этому прогрессу, отказавшись от публикации своей статьи в сборнике «Нынешние угрозы», в которой он, в соответствии с неоконсервативной идеологией, предложил весьма тенденциозное прочтение событий, приведших к Мюнхену.

НЕОКОНСЕРВАТОРЫ КАК ГРУППА ИНТЕРЕСОВ?

Таким образом, неоконсерватизм лучше всего считать проявлением одной из отличительных особенностей американской политической жизни: группой интересов. Что мы имеем в виду под этим?

Когда в сентябре 1796 года Джордж Вашингтон готовился уйти в отставку, он написал «Прощальное послание» с рядом предостережений своим соотечественникам. Одно из наиболее важных предостережений касалось недемократических тенденций «фракций» или, как мы бы сказали сегодня, «групп интересов»:

Всевозможные объединения и ассоциации, стремящиеся направлять, контролировать или препятствовать нормальной работе существующих властей, разрушительны по своей сути. Они ведут к образованию фракций и наделению последних искусственной и необычайной силой, подменяя волю нации волей партии (немногочисленного, но проворного и предприимчивого меньшинства общества), и — после победы партии — к установлению власти, осуществляющей ограниченные проекты фракции, а не последовательные и полезные планы, подготовленные представителями общества и видоизмененные с учетом взаимных интересов. Хотя указанные объединения или ассоциации могут отвечать устремлениям народа, с течением времени они становятся инструментами, посредством которых хитрые, амбициозные и беспринципные люди могут свергнуть власть народа и взять бразды правления в свои руки.⁹¹

89 George P. Shultz. *Turmoil and Triumph*. New York: Scribners, 1993. Pp. 1136.

90 Donald Kagan. *The Peloponnesian War*. New York: Viking, 2003. Pp. 167–170.

91 John C. Fitzpatrick. *The Writing of George Washington*. Washington, DC: US Government Printing Office, 1934–1940. Vol. 35. Pp. 214–238.

Американцы — будь то судьи из Верховного суда, гости ток-шоу или авторы этой статьи — не склонны буквально понимать заявления отцов-основателей. Обычно они ссылаются на некие «непреходящие истины», отвечающие их собственным взглядам. А когда они сталкиваются с тем, что их не устраивает, они просто говорят, что времена изменились. Майкл Хирш, не скрывающий своих симпатий к неоконсерваторам, пишет: «Многое из того, о чем размышляли Томас Джефферсон и Джордж Вашингтон, сегодня оказывается совершенно неуместным, по крайней мере в том, что касается внешней политики. И это относится не только к Филиппинам в 1899 году, но и к Риму с Византией».⁹²

Мы считаем историческую амнезию серьезным недостатком в осмыслении американской внешней политики. Но мы понимаем, что имеет в виду Хирш. Мы не хотим стать рабами истории. И избежать этой участи можно двумя способами. Конечно, Вашингтон говорил о стране, которая заметно отличалась от той, что известна сегодня нам. Он замечает, например, что его читатели (послание было только опубликовано) разделяют «одну религию, манеры, обычаи и принципы», чего нельзя сказать о нынешней Америке. Но благодаря своему пророческому дару он предвидел, что будет определяющей особенностью американской политики: стремление ассоциаций, представляющих интересы своих членов, обеспечить себе привилегированное положение в принятии государственных решений. Сегодня мы называем такие ассоциации «группами интересов», чтобы отделить их от политических партий, которые подотчетны народу и открыто участвуют в демократическом процессе. В целом, американцы — и левые, и правые — плохо реагируют на всякое упоминание о влиянии групп интересов, и постоянно предпринимаются законодательные усилия, направленные на ограничение такой деятельности. Антитрестовое законодательство, принятое в конце XIX века и по-прежнему действующее сегодня, является классическим примером законодательства, введенного, чтобы не допустить слишком большой концентрации власти.

МНОГОЕ ИЗ ТОГО, О ЧЕМ РАЗ-
 МЫШЛЯЛИ ТОМАС ДЖЕФФЕРСОН
 И ДЖОРДЖ ВАШИНГТОН, СЕГОДНЯ
 ОКАЗЫВАЕТСЯ СОВЕРШЕННО НЕУМЕ-
 СТНЫМ, ПО КРАЙНЕЙ МЕРЕ В ТОМ,
 ЧТО КАСАЕТСЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИ-
 ТИКИ. И ЭТО ОТНОСИТСЯ НЕ ТОЛЬ-
 КО К ФИЛИППИНАМ В 1899 ГОДУ,
 НО И К РИМУ С ВИЗАНТИЕЙ

92 Michael Hirsh. *At War with Ourselves: Why America Is Squandering Its Chance to Build a Better World*. New York: Oxford University Press. P. 13.

Что такое группы интересов? Профессор Массачусетского технологического института Джин Гроссман предлагает полезное и гибкое определение групп интересов как «всякого меньшинства избирателей, которое имеет узнаваемые черты и схожие интересы». Неоконсерваторы соответствуют этому определению:

- они ставят перед собой схожие политические задачи;
- они выступают за неизменные идеологические решения множества различных проблем в самых различных обстоятельствах;
- несмотря на кажущуюся целостность, их политические рекомендации в основном сосредоточены на строго определенных регионах и строго определенных политических инструментах;
- они стремятся исключить альтернативные возможности.

Печально, что в современной американской политике эти группы интересов, как правило, ведут игру с нулевой суммой. Я не могу победить, если ты не проиграешь. Если производители стали добиваются введения тарифов, которые ведут к повышению цен на импорт, они выигрывают, а потребители импортной стали — скажем, покупатели автомобилей и холодильников или все, кто ездит через мост, построенный с использованием стальных балок, — проигрывают. В битве между группами интересов обычно забывают о сложности и взаимосвязанности проблем. Нужна только ясность, правда, в ущерб качеству. Как люди, чьим мнением интересуются редакторы различных новостных программ, мы знаем, что наши комментарии оставят без внимания, если мы допустим ошибку, сказав, что проблема может иметь более двух аспектов. Ибо они предпочитают видеть только черное и белое. Ни о чем другом слушателям и зрителям обычно не говорят. Поэтому группы интересов часто доминируют в публичном дискурсе. В своей книге «Прах империи» Карл Мейер пересказывает сказку об азиатском крестьянине, который случайно освободил джина из лампы, вспахивая свое поле, и получил возможность загадать желание — при условии, что он согласится, что его сосед получит вдвое больше, чем он. Крестьянин задумался и, наконец, сказал: «Джин, вырви мне правый глаз».⁹³ Эта история прекрасно подходит для описания тактики выжженной земли, применяемой при соперничестве групп интересов в американской политике.

Наша идея заключается в том, что Америка сегодня сталкивается с этим опасным явлением групп интересов в области внешней политики, где сторонники неоконсерватизма приобрели огромное влияние на процесс принятия решений. При этом они успешно навязывают искусственную «ясность» своего собственного изобретения весьма сложной системе взаимодействий, определяющей отношения Америки с остальным миром.

Могут сказать, что группы интересов хорошо известны в американской внешней политике. Президент Эйзенхауэр говорил об опасности слишком большого влияния со стороны «военно-промышленного комплекса». Очевид-

93 Karl Meyer. *The Dust of Empire: The Race for Mastery in the Asian Heartland*. New York: Public Affairs, 2003. P. 201.

ным современным примером является кубинско-американское сообщество, сложившееся за сорок лет жесткой политики Соединенных Штатов по отношению к Кубе. Избирательная арифметика в Южной Флориде настолько сбалансирована, что ни одна администрация, даже администрация Буша, которую подталкивают к переменам естественные союзники в бизнес-обществе, не может не участвовать в поднятии тостов за «свободную Кубу» на собрании эмигрантской общины 20 мая каждого года.⁹⁴ А при клинтоновской администрации стратегия национальной безопасности напоминала сборную солянку из заботы об окружающей среде, семейного планирования, биоразнообразия, несостоятельных государств и СПИДа.⁹⁵

К тому же внешняя политика, требующая понимания национальной стратегии и соблюдения дипломатической конфиденциальности, не говоря уже о языковых навыках и необходимости ограничения числа людей, владеющих полной информацией, всегда будет оставаться занятием меньшинства. В ряде моментов американской истории, например, при выходе Америки на международную арену во время испано-американской войны 1898 года или развитии политики сдерживания после Второй мировой войны, внешняя политика определялась сравнительно небольшим числом людей, часто имевших привилегированное происхождение. Трудно представить, чтобы эти люди ощущали себя носителями какой-то особой миссии. Но опасно, когда вопросы внешней политики обсуждаются в узком и закрытом кругу. Когда такое происходит, то возникает серьезная опасность не «повторения» администраций Трумэна и Рейгана, а наоборот, создания серьезных проблем в Юго-Восточной Азии.

Перевод с английского Артема Смирнова

94 Ann Louise Bardach. *Cuba Confidential: Love and Vengeance in Miami and Havana*. New York: Random House, 2002. Pp. 101–125.

95 William J. Clinton. *National Security Strategy of Engagement and Enlargement*. Washington, DC: Government Printing Office, 1996.